

Жизненная драма Пушкина ¹⁾.

Орд. проф. И. А. Линниченко.

На зарѣ жизни поэтъ-полуребенокъ, едва успѣвшій жадными устами коснуться чаши житейскихъ наслаждений, восклицаетъ въ восторгѣ упоенья:

Мигъ блаженства вѣкъ лови,
Помни дружбы наставленья,
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви. ²⁾

Къ поэту рано постучался маленькій шаловливый богъ, и онъ не въ силахъ уже съ нимъ разстаться:

И покажеть жизни нить
Старой паркой тамъ придется,
Пусть владѣть мною онъ,
Веселиться — мой законъ. ³⁾

Въ послѣдніе дни своей недолгой, но разнообразной и бурной жизни великій поэтъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, еще далеко не успѣвшій «въ предѣлѣхъ земномъ свершить все земное», поэтъ исполненную гнетущей тоски лебединую пѣснь:

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просятъ,
Летать за днями дни, и каждый день уносить
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умиремъ!

¹⁾ Рѣчь, произнесенная по порученію Совѣта въ торжественномъ собраніи Университета и ученыхъ Обществъ 27 мая 1899 г.

²⁾ I. 32. Большинство цитатъ по восьмому изданію Ефремова.

³⁾ I. 30.

На свѣтъ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
 Давно завидная мечтается мнѣ доля,
 Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
 Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ. ¹⁾

Между этими двумя настроеніями цѣлая жизнь, исполненная такого захватывающаго интереса, такихъ шумныхъ успѣховъ, такого богатства разнообразныхъ ощущеній, такихъ моментовъ высокаго наслажденія, какіе выпадаютъ на долю только очень рѣдкихъ баловней судьбы, и мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: ужели эта тоскливая лебединая пѣснь — послѣдняя искренняя поэтическая исповѣдь всей прожитой жизни, не оправдавшей надеждъ, не удовлетворившей высокаго ума и горячаго сердца, или эти печальные слова только слѣды минутнаго настроенія, временнаго упадка силы и воли, столь частаго у впечатлительныхъ натуръ? Уединиться, уйти отъ жизни, отъ ея интересовъ, горестей и радостей, искать наслажденія въ эгоистическомъ покоѣ, — и объ этомъ въ своей лебединой пѣснѣ мечтаетъ поэтъ, видѣвшій цѣль жизни своей въ пробужденіи добрыхъ чувствъ, въ призывѣ милости къ падшимъ, въ служеніи дорогой любимой родиной, — поэтъ. впервые сведшій родную музу съ заоблачной колесницы, влекомой высокопарными орлами, выведшій ее изъ темной пещеры романтическихъ бредней на залитую свѣтомъ родного солнца проселочную дорогу, на кипящую шумной жизнью мѣщанскую улицу, поэтъ реальной русской дѣйствительности, такъ глубоко проникшій въ сущность духа своего родного народа! И если эта предсмертная исповѣдь невольный вопль изстрадавшейся души, то какую сумму тяжелыхъ ощущеній, разбитыхъ надеждъ и горькихъ разочарованій нужно пережить, чтобъ придти къ такому концу!

И въ настоящій день, день такого блестящаго осуществленія самыхъ завѣтныхъ мечтаній поэта, когда вся многомилліонная Русь одними устами повторяетъ имя величайшаго изъ своихъ пѣвцовъ, когда къ подножію его образа сносятся тысячи вѣнковъ и привѣтетвій, спросимъ себя, — былъ-ли самъ поэтъ когда-либо счастливъ — не тѣмъ грубымъ счастьемъ, которое даетъ возможность удовлетворить своимъ страстямъ, самолюбію, тщеславію, а тѣмъ единственнымъ истиннымъ, высокимъ счастьемъ, которое

¹⁾ Изд. Лит. о. II. 193.

даетъ удовлетвореніе самимъ собою, своей дѣятельностью, оправдывающей личное существованіе, осуществленіе дорогихъ идеаловъ,—тѣмъ счастьемъ, которое цѣликомъ не дается никому, но и крупницы котораго достаточно, чтобы въ упоеніи, подобно Фаусту, воскликнуть: мгновенья, ты такъ прекрасно, остановись?

Чужая душа — потемки. Внутренній процессъ душевныхъ движеній останется навсегда для насъ загадкой,—мы составляемъ о немъ болѣе или менѣе вѣроятное представленіе только по его конечнымъ результатамъ — внѣшнимъ актамъ. А между тѣмъ сколько разнообразныхъ ощущеній, внутреннихъ бореній, мыслей и чувствъ смѣняются въ душѣ прежде реальнаго выраженія ихъ во внѣшнемъ актѣ! И чѣмъ глубже и разностороннѣ душевный міръ человѣка, тѣмъ сложнѣе и разнообразнѣ этотъ духовный процессъ, а съ другой стороны — чѣмъ сдержаннѣе, чѣмъ менѣе экспансивна натура даннаго лица, тѣмъ менѣе внѣшнихъ показаній оставляетъ она для исторіи его духовной жизни. Чаше другихъ даютъ намъ возможность хотя отчасти проникнуть въ чужую душу люди, одаренные поэтическимъ талантомъ. Каждое сильное ощущеніе, шумная радость, тихое восхищеніе, жгучая боль — вызываютъ въ душѣ поэта образы и звуки. «Въ часы печали томной, въ минуты вдохновенья» поэтъ призываетъ на пиръ воображенія свою неизмѣнную музу, и рука его невольно ищетъ чернильницы, подруги думы праздно¹⁾, и каждый листокъ поэтическаго произведенія — страница его собственной жизни.

Но однако мы должны сдѣлать оговорку: судить человѣка можно лишь по всей совокупности его поступковъ,—и для вѣрной оцѣнки чужой дѣятельности мы должны знать не только ея факты, но и ихъ мотивы. Многообразныя черты каждаго характера, особенно у натуръ впечатлительныхъ, страстныхъ, могутъ настолько доминировать въ отдѣльныхъ поступкахъ, что ихъ легко принять за *основную*, существенную, опредѣляющую данную личность особенность. Оттого-то такъ и разнорѣчивы сужденія о каждой выдающейся личности: впечатлѣніе отдѣльнаго случая является основаніемъ приговора. Только знаніе всѣхъ крупныхъ фактовъ жизни, ихъ мотивовъ, и притомъ въ исторической послѣдовательности этихъ фактовъ, даетъ намъ возможность найти Ариаднину нить сущности каждаго отдѣльнаго

¹⁾ I. 343.

характера. Временное, наносное, подражательное часто заслоняетъ для насъ вѣчное, прирожденное, оригинальное, — и эту мысль понялъ и изобразилъ нашъ поэтъ въ своемъ «Возрожденіи»:—какъ въ замазанной художникомъ-варваромъ картинѣ:

Краски чуждыя съ лѣтами
 Спадаютъ ветхой чешуей,
 Созданье генія предъ нами
 Выходитъ съ прежней красотой,
 Такъ исчезаютъ заблужденья
 Съ измученной души моей,
 И возникаютъ въ ней видѣнья
 Первоначальныхъ чистыхъ дней. ¹⁾

Сказанное особенно примѣнимо къ писателю и поэту. Слова писателя — его дѣла. Душа поэта, какъ эхо, шлетъ отвѣтъ всѣмъ звукамъ жизни; но этотъ отвѣтъ не мертвый, а живой откликъ даннаго настроенія; въ разное время на тотъ-же звукъ отвѣчаютъ разныя струны души, и оттого въ твореніяхъ поэтовъ, особенно одаренныхъ такимъ удивительно-обширнымъ и разнообразнымъ діапазономъ, какъ Пушкинъ, вы найдете противоположные, противорѣчивые отклики на одни и тѣ-же жизненные явленія. Поэзію Пушкина часто сравнивали по широтѣ и разнообразію съ моремъ; но нужно помнить, что въ ней, какъ въ морѣ, идутъ вѣчно два параллельныя теченія — на поверхности, гдѣ свободно играетъ вѣтеръ, то слегка колебля легкую зыбь, то поднимая грозные и бурные валы, и въ глубинѣ, гдѣ ровно и спокойно текутъ воды, скрывающія такъ мало намъ вѣдомую, почти таинственную жизнь.

Прочтите безъ глубокаго анализа всю массу произведеній великаго поэта, просмотрите его обширную переписку съ друзьями и родными; что за духовный образъ поэта вынесете вы изъ этого бѣглаго знакомства? Какое огромное мѣсто среди его многочисленныхъ мелкихъ пьесъ проникнуто игривой безпечностью, шаловливымъ задоромъ, веселымъ, неунывающимъ юморомъ; какъ часто воспѣваетъ [онъ веселаго Вакха и шаловливаго Эрота; какъ мило и остроумно, порою слишкомъ вольно, бесѣдуетъ онъ мысленно съ далекими, но близкими его сердцу.

¹⁾ I. 268.

Какъ рѣдки въ его посланіяхъ жалобы, какъ быстро смѣняются въ нихъ мимолетныя грустныя тѣни удачной шуткой, мѣткимъ остроумнымъ сравненіемъ, неожиданной эпиграммой! И какъ сравнительно мало въ длинномъ ряду его лирическихъ изліаній слѣдовъ унылыхъ, меланхолическихъ, подавленныхъ настроеній! Вы скажете — это натура удивительно жизнерадостная, жизнеспособная, полная свѣжей бодрости и вѣчно юной энергіи, не отступающей передъ препятствіями, свѣтло и радостно глядящая на жизнь, быть можетъ слишкомъ безопасная и даже легкомысленная. Временныя испытанія, минутныя горести и разочарованія оставляютъ въ ней лишь минутный слѣдъ послѣдней тучи разсѣянной бури и не смущаютъ ликующаго дня свѣтлой жизни.

Но если мы ближе приглядимся къ многоузорной канвѣ его недолгой жизни, если мы глубже проникнемъ въ смыслъ его произведеній, искреннихъ и правдивыхъ отзвуковъ и собственной жизни, и окружающей дѣйствительности, мы придемъ къ иному, болѣе печальному, но и болѣе вѣрному выводу. Мы скажемъ: да, нужно было имѣть удивительную жизнеспособность, силу, энергію, вѣру въ лучшее будущее, чтобы вынести всю сумму нравственныхъ испытаній, какія выпали на долю пѣвца, такъ мало жившаго, такъ мало наслаждавшагося, нужно было много и тяжело «мыслить и страдать», чтобы умереть съ такимъ достоинствомъ, съ такимъ всепрощеніемъ.

И замѣтите: поэтъ, повидимому, столь общительный и экспансивный, былъ крайне сдержанъ въ проявленіи своихъ интимныхъ ощущеній. Онъ ревниво оберегалъ свою душу отъ чужой, хотя-бы и участливой, но рѣдко деликатной и почти всегда нескромной руки. Прочтите его наставленія юному брату — это цѣлый кодексъ поведенія для охраны личнаго достоинства и неприкосновенности души.

Прочтите его посланія къ друзьямъ — это своего рода художественныя произведенія. Въ душѣ поэта встаетъ образъ далекаго друга, и онъ бесѣдуетъ съ нимъ такъ-же, какъ-бы бесѣдовалъ наединѣ; онъ шутитъ и рѣзвится съ наперсниками по Вакху и Кипридѣ, умно и серьезно бесѣдуетъ съ товарищами чистыхъ помышлений, съ почтительнымъ достоинствомъ говоритъ со старцами и граціозно болтаетъ съ женщинами.

И какъ мало въ этихъ посланіяхъ интимныхъ изліяній: случайный просвѣтъ въ своей душѣ онъ быстро стремится при-крыть шуткой или эпиграммой. Онъ, всегда вдумчивый и осто-рожный, когда южный богъ дремлетъ въ его душѣ, такъ-же взыскателемъ къ своимъ посланіямъ, какъ и къ плодамъ музы; онъ по нѣскольку разъ обрабатываетъ простой дружескій отвѣтъ и нерѣдко, недовольный его тономъ или содержаніемъ, оставляетъ его у себя.

И если мы вспомнимъ, что поэтъ бережно хранилъ нап-болѣе интимные плоды своей музы, что многіе изъ нихъ уви-дали свѣтъ только послѣ его безвременной кончины, а другіе погбли безвозвратно, мы поймемъ, что внутренній міръ поэта можно возстановить только тщательнымъ и детальнымъ изуче-ніемъ его твореній въ связи съ обстоятельствами его личной жизни.

Судьба была, повидному, доброй феей для великаго пѣвца. Она заворожила его свирѣль, она ввела его въ дружескій кругъ самыхъ выдающихся людей его времени, она приблизила его къ трону, любовь улыбалась ему всю жизнь и блеснула прощаль-ной улыбкой на его печальный закатъ, онъ испыталъ тѣ рѣд-кія и высшія духовныя наслажденія, которыя даетъ своимъ избранникамъ чудный даръ творчества, ему, еще отроку, едино-гласно врученъ поэтический скипетръ, онъ дышалъ съ природой одной жизнью, ему была ясна звѣздная книга, и съ нимъ гово-рила морская волна. Развѣ онъ въ своей недолгой, но полной глубочайшаго содержанія и изумительнаго разнообразія жизни не вопліѣ ею отдышалъ, не получилъ всего земнаго, отдавъ его въ своихъ чудныхъ пѣсняхъ?

Но почему-же съ того времени, когда надъ головой его пронеслась туча, когда одна за другой, точно въ сказкѣ, стали осуществляться его завѣтныя мечты, когда талантъ его вопліѣ созрѣлъ и возмужалъ, когда онъ началъ ясно, сознательно пони-мать и сущность своего призванія, и цѣль своей жизни, въ пѣсняхъ его все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ звучать скорбная нота, томительная тоска душевнаго разлада, горечь неудовле-творенія собою, своимъ прошлымъ, неясная тоска будущей бѣды, даже осужденіе самой жизни, напраснаго, случайнаго дара?

Пока не требуетъ поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
 Въ заботахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погруженъ;
 Молчить его святая лира.
 Душа вкушаетъ хладный сонъ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
 Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орелъ.
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людской чуждается молвы,
 Къ ногамъ народнаго кумира
 Не клонить гордой головы;
 Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
 И звуковъ, и смятенъя полнъ,
 На берега пустынныхъ волнъ,
 Въ широкошумныя дубровы... ¹⁾

Поэтъ-обыватель, въ толпѣ, среди дѣтей ничтожныхъ міра, и поэтъ въ минуты вдохновенія — два различныя существа; вотъ мотивъ, къ которому не разъ возвращается великій русскій поэтъ. Въ часы уединенія, въ тиши родныхъ полей, усталый и разбитый бурной столичной жизнью, пресыщенный грубыми наслажденіями, поэтъ часто задумывается надъ глубокими противорѣчіями собственной природы. Въ его душѣ живутъ попеременно два бога — богъ африканскій, богъ знойной природы и разнузданныхъ неукротимыхъ страстей, и богъ европейскій — богъ мирной культуры, гармоніи и свѣтлыхъ вдохновеній. Наслѣдіе предка-дикаря сдѣлало изъ него «страдальца чувственной любви»²⁾. Этотъ «потомокъ негровъ безобразный»³⁾ «съ безстыднымъ бѣшенствомъ желаній»⁴⁾ предается дикому разгулу, стараясь превзойти въ немъ товарищей по Вакху и Эроту.

¹⁾ II. 164.

²⁾ I. 192.

³⁾ I. 193.

⁴⁾ ib.

Поэтъ глубоко и больно чувствовалъ тотъ душевный разладъ, на который обрекла его двойность внутренней природы.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
 Въ бездѣйствіи nocturno горять во мнѣ
 Змѣи сердечной угрызенья.
 Мечты кипятъ : въ умѣ подавленномъ тоской
 Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ,
 Воспоминаніе безмолвно предъ мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ ;
 И съ отвращеніемъ читаю жизнь мою.
 Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
 Въ безумствѣ гибельной свободы,
 Въ неволѣ, бѣдности, въ чужихъ степяхъ
 Мои утраченные годы. ¹⁾

Поэтъ увидалъ родную обитель,

Главой поникъ и зарыдалъ.
 Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
 Въ безплодномъ вихрѣ суеты
 О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
 За недоступныя мечты. ²⁾

Каждая мысль о прошломъ возбуждаетъ въ благородной и чуткой душѣ поэта горькое раскаяніе:

Въ уныныи часто
 Я помышлялъ о юности моей,
 Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
 О строгости заслуженныхъ упрековъ,
 О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
 За жаръ души довърчивый и вѣжный,
 И горькіи кипѣли въ сердцахъ чувства. ³⁾

Его ясный и трезвый умъ возставалъ противъ заблужденій унаслѣдованной природы. Онъ горько оплакиваетъ свои увлеченія, борется съ темнымъ божествомъ своей души, и какъ часто падаетъ въ бессильной борьбѣ!

¹⁾ II. 163.

²⁾ II. 249.

³⁾ III 406. (1835)

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
 Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.
 Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
 Взметая пыль и гриву потрясая
 И ноздри пыльные уткнувъ въ песокъ зыбучій,
 Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій. ¹⁾

И когда, казалось, изъ его души исчезло навсегда смутное похмѣлье безумныхъ лѣтъ его мятежной жизни, въ ней внезапно съ неудержимой силой воскресаетъ языческій богъ его предковъ и требуетъ послѣдней жертвы — и этой жертвой была его жизнь. Но побѣда теперь была неполная, — погибла жизнь, но уцѣлѣла душа.

Каждый живой человѣкъ живетъ двойной жизнью — жизнью личной, для себя, и жизнью общественной — для другихъ. Въ содержаніи требованій личной жизни лежитъ оцѣнка *нравственной* цѣны человѣка, въ содержаніи общественной работы — объективное его значеніе.

Чего желалъ и требовалъ для себя лично великій поэтъ? Чѣмъ стремился удовлетворить свою личную жизнь?

Три страсти, три желанія наполняли его сердце, три кумира воздвигъ онъ въ своей душѣ и молился имъ своими чудными гимнами; этими кумирами были — любовь, дружба, свобода.

Но тотъ коренной разладъ, то внутреннее противорѣчіе, что раздѣляло и мучило его душу, оставило неизгладимый слѣдъ на предметахъ его поклоненія.

Пушкинъ любилъ женщину со всей страстью своей южной природы, съ чувственностью, «съ безстыднымъ бѣшенствомъ желаній» дикаго сына пустыни. Но онъ любилъ ее и какъ рыцарь старой Европы, онъ поклонялся ей, какъ Мадоннѣ ²⁾, какъ чистому божеству, сіявшему совершенствомъ, любовь котораго казалась ему недосыгаемымъ блаженствомъ ³⁾; онъ любилъ

¹⁾ Изд. Лит. ф. П. 162.

²⁾ II. 271.

³⁾ III. 188.

какъ молодой цвѣтъ, «безмолвно, безнадежно, любилъ искренно и нѣжно, съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ, съ такою нѣжною томительной тоской, съ такимъ безумствомъ и мученьемъ»¹⁾. Онъ любилъ ее и какъ поэтъ — она была для него источникомъ вдохновенья, гениемъ чистой красоты, будившимъ въ душѣ и жизнь, и слезы, и мечты. Ей посвящаетъ поэтъ первый младенческій лепетъ своей музы, и съ ея именемъ улетаетъ его послѣдній вздохъ. Какъ часто этотъ вѣчный любовникъ напрасно думалъ, что сердце позабыло способность легкую страдать²⁾ — и что-же? это сердце вновь горитъ и любитъ оттого, что не любить оно не можетъ!³⁾

Такъ много, такъ горячо любилъ поэтъ, такъ идеально высоко ставилъ женщину! И что-же дала ему любовь, чѣмъ отплатила ему женщина?

Въ минуты самоуглубленія поэтъ часто оглядываетъ свое прошлое, свои увлеченія, и его сердце болѣзненно содрагается:

Мнѣ стыдно идоловъ моихъ,
 Къ чему несчастный я стремился,
 Предъ кѣмъ унижилъ гордый умъ,
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворить не устыдился?

Кто были онѣ — эти идолы его души, эти недосыгаемая Мадонны, эти гении чистой красоты, чистѣйшей прелести чистѣйшіе образцы? Увы! поэтъ украшалъ лучшими цвѣтами своей поэзіи лишь мотыльковъ съ душою вѣтренной и легкой, неспособныхъ къ глубокимъ чувствамъ и страстямъ. Ихъ нечистое воображеніе не способно было понимать высокихъ думъ поэта, —

И признакъ Бога, вдохновенье,
 Для нихъ и чуждо и смѣшно.⁴⁾

Въ воспоминанія поэта встаетъ длинный рядъ обольстительныхъ образовъ, въ обманчивыхъ сѣтяхъ которыхъ онъ

¹⁾ II. 137.

²⁾ III. 218.

³⁾ III. 238.

⁴⁾ II. 423.

бился, какъ ястребъ молодой ¹⁾, кому онъ приносилъ въ жертву «и голосъ лиры вдохновенный, и слезы дѣвы воспаленной, и трепеть ревности моей» ²⁾. Въ этой разноцвѣтной толпѣ Темиръ, Дафнъ и Лилетъ была одна: «предъ ней одной дышалъ я чистымъ упоеніемъ любви поэзіи святой. Она одна-бы разумѣла стихи неясные мои, одна-бы въ сердцѣ пламенѣла лампадой чистою любви». Но это чудное и таинственное существо отвергло мольбы поэта. «Увы, напрасныя желанья! Она отвергла: заклинанья, мольбы, тоску души моей; земныхъ восторговъ изліянья, какъ божеству, не нужны ей» ³⁾. И поэтъ оставался всю жизнь одинокимъ; онъ искалъ любви, и находилъ одну чувственность, искалъ женщину — и находилъ лишь наперсницу порочныхъ заблужденій.

Поэтъ высоко и свято чтилъ дружбу. Онъ былъ ей преданъ, какъ юный кунакъ, смѣшавшій въ одной чашѣ свою кровь съ кровью друга, какъ неизмѣнный членъ священнаго рыцарскаго братства. Пока любовь не овладѣла всецѣло его страстной натурой, онъ видѣлъ счастье въ одной лишь дружбѣ.

Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновленъ,
Мой другъ, я счастливъ сю. ⁴⁾

Его союзъ съ друзьями не мимолетный случайный капризъ, — это святое братство, которому его любящая душа клянется въ вѣрности до гроба.

Но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ,
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О, милый, вѣченъ онъ. ⁵⁾
Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ-ли смертной битвы,
При мирныхъ-ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

¹⁾ II. 160.

²⁾ II. 137.

³⁾ I. 425.

⁴⁾ I. 51.

⁵⁾ I. 183.

И когда поэтъ воздвигнулъ въ своей душѣ новый кумиръ, онъ съ наивной искренностью кается друзьямъ :

Все тѣ-же вы, но сердце ужъ не то-же,
Уже не вы ему всего дороже.

Во всёхъ житейскихъ разочарованіяхъ, подъ гнетомъ ударовъ судьбы, тоскуя объ утратѣ обмановъ милой мечты ¹⁾, поэтъ ищетъ утѣшенія въ дружбѣ. И этого утѣшенія онъ ищетъ не въ эгоистическомъ требованіи раздѣлить съ нимъ чуждыя ихъ душѣ страданія,—онъ думаетъ искать утѣшенія въ чужомъ счастья, счастья друзей. Онъ ждалъ безопасно лучшихъ дней

И счастье моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеніемъ.

Поэтъ глубоко цѣнитъ малѣйшее выраженіе искреннихъ дружескихъ отношеній и трогательно благодаритъ за дружеское участіе :

О, дружба, нѣжный утѣшитель
Волзненной души моей,
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ. ²⁾

Ничто, ни музы, ни труды, ни радости досуга ³⁾ не могутъ замѣнить ему дружбы:

Но дружбы нѣтъ со мной — печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края:
Ничто не замѣнить единственнаго друга.

Прочтите его письма къ друзьямъ — сколько въ нихъ граціи, деликатности, простоты, отсутствія тщеславія! Какъ искренно онъ радуется каждому ихъ успѣху, какъ боится оскорбить чужое самолюбіе, нарушить законы святаго братскаго союза!

¹⁾ I. 173.

²⁾ I. 294.

³⁾ I. 341.

И однако поэтъ, вѣрный рыцарь святаго братства дружбы, испыталъ и въ этой привязанности горькія и обидныя разочарованія.

Кругъ первыхъ, лучшихъ друзей его юности, этотъ вѣчный союзъ, который онъ такъ восторженно воспѣвалъ, рѣдѣетъ съ каждымъ годомъ: однихъ уноситъ неумолимая смерть, другихъ — безпощадная буря судьбы.

Они разбросанные спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой. ¹)

На смѣну старымъ друзьямъ являются новые, и пѣвецъ, довѣрчивый и любящій,

Друзьямъ инымъ душой предается иѣжно,
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ; ²)

и одинокій пѣвецъ горестно восклицаетъ:

Знакомыхъ тѣма, а друга нѣтъ. ³)

Пронеслась гроза, поэтъ возвращается въ покинутыя мѣста, куда въ изгнаніи неслись все его помыслы; но прошли года чредою незамѣтно

И какъ они перемѣнили насъ:
Мы возмужали, рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья,
И смерти духъ средь насъ ходилъ. ⁴)

Напрасно онъ ищетъ старыхъ впечатлѣній, молодыхъ надеждъ, даже дорогихъ лицъ — его перваго безцѣннаго друга «измятъ съ налету вихорь шумный»^{⁵)}; еще немного, и вотъ во цвѣтѣ лѣтъ уходитъ въ толпу родныхъ тѣней

¹) III. 203.

²) II. 23.

³) I. 343.

⁴) III. 413.

⁵) II. 265.

Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышлений; 1)

тотъ, кто былъ ему ближе всѣхъ на свѣтѣ 2), къ кому онъ питалъ не только дружбу, но какую-то особенную нѣжность, отеческое чувство. А скоро свѣтъ произноситъ свой безмысленный и безпощадный приговоръ надъ его чуднымъ другомъ, тѣмъ страннымъ отшельникомъ, загадочнымъ мыслителемъ, который одинъ зналъ его сердце во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ, который одинъ видѣлъ, какъ въ волненіи страстей онъ тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный, -- который въ минуту гибели поддержалъ его недремлющей рукой и воспламенилъ въ немъ «къ высокому любовь» 3).

И кто-же явился на смѣну этихъ первыхъ лучшихъ друзей мятежной юности? Тѣ лицемѣрные друзья, что предательскимъ привѣтомъ встрѣчали его на играхъ Вакха и Киприды 4), тѣ, что за жаръ души довѣрчивой и нѣжной заплатили ему горькой обидой 5), тѣ, что заставили этого рыцаря дружбы въ тяжелую минуту разочарованія горестно воскликнуть:

Что дружба? Легкій пылъ похвѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обманъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ. 6)

Враговъ имѣеть въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже. 7)

Кого-жь любить, кому-же вѣрить,
Кто не измѣнитъ намъ одинъ? 8)

Они подъ маской фарисейскаго участія копались въ его душѣ, тайныя сокровища которой онъ не рѣшался даже откры-

1) II. 265.

2) Письма, 289.

3) I. 342.

4) II. 164.

5) III. 406.

6) II. 19.

7) III. 77. (Евг. Он.).

8) III, 75. (Евг. Он.).

вать своей неизмѣнной подругѣ думы праздною, молчаливой чернильницѣ. Они преслѣдовали его тайно и явно завистью и враждой, обидой и клеветой, они затемняли въ вольномъ или невольномъ непониманіи глубокой смыслъ его великихъ твореній, они вторглись въ его семейную жизнь, изранили его душу и наконецъ нанесли ему послѣдній ударъ.

Мученикъ любви, великій поэтъ былъ и мученикомъ дружбы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ,
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненіемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ. ¹⁾

Поэтъ любилъ и рвался къ свободѣ, какъ вольный сынъ степей, какъ молодой звѣрь, заключенный въ клетку; но онъ научился уважать ее, цѣнить и понимать, какъ вразумленный многолѣтнимъ опытомъ потомокъ старой европейской гражданственности.

И въ дни мятежной юности, и въ дни пира разнузданныхъ страстей, и въ дни мужественной зрѣлости, яснаго и просвѣтленнаго сознанія, онъ поетъ и славить свободу ²⁾. Но какъ далека свобода послѣднихъ его пѣсенъ отъ той свободы, что была его кипящей младости кумиромъ! Смутное недовольство жизнью, стѣсненной разнообразными преградами, горячая южная кровь, избытокъ силъ звали его къ какой-то неясной свободѣ, туда «гдѣ гуляютъ лишь вѣтеръ да я» ³⁾. Буря жизни уноситъ его далеко отъ родныхъ мѣстъ, на берега могучей свободной стихіи, и этотъ врагъ стѣснительныхъ условій и оковъ, «познавъ и тяжкій трудъ, и жажду размышлений», мечтаетъ вознаградить «въ объятіяхъ свободы мятежной младости утраченные годы» ⁴⁾ — и плодомъ этихъ размышлений было то глу-

¹⁾ I. 317.

²⁾ I. 294.

³⁾ I. 376.

⁴⁾ I. 341.

бокое и возвышенное пониманіе свободы, которому онъ остался вѣренъ до конца. Онъ понялъ, что всюду страсти роковыя

И отъ судьбы защиты нѣтъ. ¹⁾

Онъ произноситъ беспощадный приговоръ всеѣмъ порочнымъ заблужденіямъ своей мятежной юности и необузданнымъ порывамъ къ дикой волѣ.

Свобода не есть необузданное безграничное своеволие, безпрепятственное удовлетвореніе дикихъ страстей. Кто для себя лишь ищетъ воли, тотъ рабъ, рабъ тѣхъ самыхъ страстей, для которыхъ онъ требуетъ воли; не онъ свободно управляетъ ими, а онѣ владѣютъ имъ, порабащаютъ его душу. Свобода неразлучна съ ограниченіемъ, свобода — сознательное и ясное подчиненіе низшихъ сторонъ души высшимъ, животнаго духовному, сознательное, благоговѣйное подчиненіе нравственнымъ идеаламъ. Въ чьей душѣ нѣтъ этой высшей свободы, этой внутренней гармоніи,—для того нѣтъ покоя, нѣтъ счастья, нѣтъ свободы: онъ не найдетъ ее ни на снѣжныхъ вершинахъ горъ, какъ Кавказскій плѣнникъ, ни въ мирномъ кругу дѣтей свободы, какъ Алеко, ни въ сельскомъ уединеніи и свѣтской гостини, какъ Онѣгинъ. Рабомъ прирожденныхъ привычекъ и вкусовъ, рабомъ несдержанныхъ просвѣтленнымъ разумомъ страстей, рабомъ имъ-же презираемой и опостылой толпы онъ останется навсегда и среди дѣтей природы, и въ блестящей толпѣ культурнаго общества.

И это возвышенное понятіе свободы поэтъ изъ глубины міра нравственнаго переноситъ и во внѣшній міръ, въ общество. Онъ хочетъ *свободною* душой законъ боготворить ²⁾; общественную свободу онъ признаетъ въ сочетаніи святой вольности, *права* человѣка съ мощными законами; только тамъ человѣкъ не рабъ, гдѣ надъ всеѣмъ простертъ одинъ твердый щитъ равнаго для всеѣхъ закона ³⁾, гдѣ личность, личная свобода сознательно подчиняется закону во имя высокаго идеала — всеобщаго блага.

¹⁾ I. 453.

²⁾ I. 206.

³⁾ I. 249.

Но этой свободы онъ не находить ни внутри себя, ни во внѣ. Годы его невольнаго заключенія кончились, онъ опять тамъ, гдѣ протекали дни его мятежной юности, въ родномъ кругу. Но какая-то тайная тоска гнететъ его. Онъ вспоминаетъ тотъ бодрый челнъ, на которомъ отважно понесли въ бурное море его друзья — тѣ, для кого онъ пѣлъ среди шума волнъ; но ихъ ужъ нѣтъ, ихъ измялъ съ налету вихорь шумный, а онъ, таинственный пѣвецъ, на берегъ выброшенный грозой — онъ живъ и невредимъ. Онъ не раздѣлялъ увлеченій друзей мятежной юности, но буря, смявшая ихъ челнъ, не могла разорвать его *сердечной* связи съ несчастными пловцами, и его чуткая душа болѣзненно сжималась при сравненіи своей участи съ несчастіемъ близкихъ его сердцу. Онъ, съ гордостью нѣкогда восклицавшій

На лиръ скромной, благородной,
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силъ въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ, ¹⁾

и теперь не былъ льстецомъ. Но не сбылись его мечты быть эхомъ русскаго народа у трона...

Онъ, горячо болѣвшій надъ родными недугами, съ такой жгучей тоской вопрошавшій:

Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря? ²⁾

и теперь съ болью видѣлъ вокругъ себя только жестокой вѣкъ, мракъ невѣжества...

Онъ, такъ безмѣрно возвышавшійся надъ окружающими, идетъ, какъ Онѣгинъ, вслѣдъ за чинною толпою, не раздѣляя съ ней ни общихъ мнѣній, ни страстей.

¹⁾ I. 209.

²⁾ I. 207.

Пѣвецъ свободы опутанъ кругомъ — и ему не разорвать этихъ путъ: среди нихъ есть однѣ, на которыя не поднимется его честная рука — путы *благодарности*...

Такъ одна за другою исчезаютъ его иллюзіи, опадаютъ, какъ лепестки увядшаго цвѣтка, его свѣжія мечты, и поэтъ съ печалью восклицаетъ:

Но грустно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана,
 Что изиѣняли ей всечасно,
 Что обманула насъ она,
 Что наши лучшія желанья,
 Что наши свѣжія мечтанья
 Истлѣли быстрой чередой,
 Какъ листья осенью гнилой.

И теперь у него, измученнаго жизненными разочарованіями, одна мечта, одно желаніе. Онъ уже не мечтаетъ о роли народнаго трибуна, свободнаго глашатая истины передъ трономъ, онъ не требуетъ правъ, не ищетъ свободы — онъ молитъ объ одномъ маленькомъ, доступномъ ничтожнѣйшему изъ дѣтей міра благѣ — *независимости*: никому

Отчета не давать — себѣ
 Лишь самому служить и угождать,
 По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
 Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
 И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
 Безмолвно утопать въ восторгъ умиленья.
 Вотъ счастье, вотъ права.

Но и въ этомъ скромномъ счастьи ему было отказано.

Въ чемъ-же могла найти послѣднее прибѣжище, послѣднее утѣшеніе измученная душа поэта?

Въ его «скромномъ дарѣ», въ таинственной силѣ творчества, украсившей безсмертнымъ ореоломъ его чело, въ поэзіи, которая, какъ ангель-утѣшитель, спасла его, когда онъ былъ одинъ, когда врага онъ видѣлъ въ каждомъ, измѣнника въ това-

рищѣ минутномъ, и бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства, и ненависть и грезы мести блѣдной ¹⁾). Онъ еще хочетъ жить, чтобы мыслить и страдать. И «вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья,

Межъ горестей, заботъ и тревоженья.
 Порой опять гармоніей ушьюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь.» ²⁾

Но развѣ ему теперь доступно *свободное* творчество? Развѣ онъ самъ не наложилъ печати на свои вѣщія уста, развѣ онъ могъ свободно пѣть, не измѣнивъ данному слову, не порвавъ той цѣпи благодарности, тяжесть которой такъ больно чувствовалъ, такъ терпѣливо и смиренно носилъ!

И вотъ, когда и это послѣднее приближище закрылось для него, изъ его переполненной смертной тоской груди вырывается вопль отчаянья:

На свѣтъ счастья вѣтъ,
 А есть покой и воля.

Покой и воля! Да развѣ онъ забылъ свои-же слова:

Я думалъ: вольность и покой —
 Замѣна счастью. Боже мой,
 Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

Не воля и покой, а послѣдній ключъ, холодный ключъ забвенья ³⁾) могъ утолить его горячее сердце, его пылкую душу, и онъ припалъ къ нему жадными устами — и навѣки забылся.

И вотъ передъ нами жизнь, исполненная глубокихъ и мучительныхъ противорѣчій. Ясный и трезвый умъ, высокое и благородное чувство — и алчный грѣхъ по пятамъ; страстный призывъ къ чистымъ привязанностямъ — и злорадная усмѣшка чувственности; гордый кликъ свободы — и вольныя и невольныя цѣпи рабства.

¹⁾ Изд. Лит. фонда. II. 181.

²⁾ Изд. фонда. II. 101,

³⁾ II. 149.

Да! Странная и горькая иронія судьбы. Всю жизнь пѣть свободу, святую вольность — и цѣлую жизнь оставаться невольникомъ — невольникомъ любви, невольникомъ дружбы, невольникомъ толпы, невольникомъ закона; и, наконецъ, умереть невольникомъ чести. Да развѣ это не глубочайшая, не потрясающая душу жизненная драма?

1799—1899.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ

26—27 мая 1899 г.

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета.

Съ четырьмя фототипическими снимками.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІА, ПОЧТОВАЯ, № 43.
1900.